

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Я ПРИШЁЛ, ЧТОБ ТЫ МЕНЯ ПРОСТИЛА...

* * *

Не буду помнить ни о чём,
чтоб не жалеть, однако,
жизнь, пролетевшую с огнём
по закоулкам мрака.

Всё было: и печаль, и боль,
но для того, чтоб, выжив,
я твоё имя через боль
на сердце кровью выжег.

Я стал героем вечных слов,
и мне, поверь, не страшно
ни умирать среди снегов,
ни воскресать на пашне.

Люби меня! Люби, люби!
Но в гневе очумелом
так бесшабашно не руби
сук, на котором села!

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович — выдающийся русский поэт, чьи стихи были впервые напечатаны в нашем журнале с благословения Юрия Кузнецова в 1993 году и творчество которого за истекшее время было высоко оценено Львом Аннинским, Феликсом Кузнецовым, Владимиром Бондаренко, Ильёй Глазуновым и многими другими писателями и деятелями культуры. Лауреат многих литературных премий.

Сорвёшься, рухнешь — пропадёшь!
Но и любовь с собою
во тьму глухую унесёшь,
а я ведь счастья стою!

Вовек не вспомню даже дня
из прошлого — и ладно...
Ведь ты надежда для меня —
так будь ей безоглядно!

* * *

Ну, вот и всё... Я вроде жив,
по крайней мере, сердце цело,
хотя как будто страшный взрыв
разворотил до крови тело...

Тошнит, трещит башка, в глазах
темным-темно, как тяжкой ночью.
Но это не рождает страх
и не бросает в дрожь сорочью...

Пусть лишь по голосу, но я
тебя узнал всю — до морщинки.
Да не дрожи так, боль тая,
и с глаз утри скорей слезинки.

Теперь, когда со мною ты,
быстрее пойдёт выздоровленье,
ведь для меня нет красоты
прекрасней, чем твоё прощенье...

* * *

О, как мне сумасшедше больно,
ну, словно по кострам иду.
И сердцу хочется невольно
забыться в золотом бреду.

Но кто же так меня обидел?
Да сам я, сам, что глупо вновь,
решил, покой возненавидев,
всю жизнь поставить на любовь!..

* * *

Продолжаешь играть в униженье,
обижаясь сильней и сильней...
Бог с тобой... Только этим прощенье —
вряд ли сыщешь у песни моей.

Всё снесу, даже злую разлуку,
что уже притаилась в тиши...
Только сколько меня ни аукай,
не вернусь я по воле души...

Не храбрюсь, не блефую — подавно...
Смысла нет в ступе воду толочь.
Без тебя вдохновенно и славно
дышит светом и нежностью ночь...

ЗОВ КРОВИ

Твои глаза в мои глаза
проникли да последней сути,
когда молчать уже нельзя,
иначе нас Господь осудит...

И говорим друг другу вновь
мы о любви в ночи бессветной,
и слышим крови жаркий зов,
и на него спешим заветно...

И забываем смертный страх,
в друг друга прорастая плотью,
и в наших искренних словах
мы волю чувствуем Господню.

* * *

Давным-давно не знаю счастья,
поскольку в горе лишь люблю
с невыразимо светлой страстью
ответность девичью твою...

Об этом думай иль не думай,
но сам собой встаёт вопрос:
“Неужто жизнь и впрямь угрюма,
как будто небеса без звёзд?”

Отвечу искренне, спокойно,
ну, словно в церкви, на духу:
“Порой я так живу греховно,
что в сердце места нет греху...”

* * *

Откуда ты взялась? Зачем, зачем явилась?
А может, просто лишь нечаянно приснилась?
Неважно, ибо я невиданно люблю,
да сильно так, что о тебе одной пою
на страстном выдохе пылающей души
и в громе яростном, и в заревой тиши.

А я ведь не свободен: как канатом,
повязан напрочь заклинаньем святым —
жить с женщиной другой до крайних дней.
Его нарушить — значит, жизнью всей
как будто опуститься в мрак кромешный,
и навсегда остаться в бездне грешной...

Вот и попал я в сети, словно роком
расставленные, то есть счастье боком
мне вышло... А за что? Когда бы знал...

Но пусть в глазах проклятых злопыхал
я буду подлецом в сей жизни сумасшедшей,
но не посмею жить в любви, навек сгоревшей...

* * *

Мы молоды, но духом, а не телом,
и это, — что ни говори, — печаль.
Как будто речка напрочь обмелела —
и про неё навек забыла даль...

И осень сердце хлещет листобоем,
и время быстрым соколом летит...
Но всё же нас, родная, нынче двое,
и наш закат вдвойне сильнее горит!

* * *

И опять я, как будто в бреду —
ни себя, ни тебя не найду
в этой жизни, чугунно гудящей.
Только время летит и летит —
наплевать ему, чем так болит
моё сердце угрюмо-садняще.

Не за то ли, что я в самом деле
мог любить вдохновенно и смело,
суждено мне платить маевой?
Ну, и что? Заплачу — не подохну!
Лишь бы знать, что не зря снова сохну
по красавице, пусть и чужой...

Вот и выдал тебе, словно спьяну,
свою чисто сердечную тайну...
Не дурак ли? Нет, просто поэт,
что с открытой душой нараспашку
воспевает и смерть, и ромашки —
вдохновенно, как темень и свет.

Сожалею об этом? Нисколько,
ибо, как расставаться ни горько,
вера в новую встречу тверда!
А случится она, или просто
я душой от любви взмою к звёздам —
всё равно не пройдёт без следа!..

* * *

Я пришёл, чтоб ты не уходила,
не на час пришёл, а навсегда.
В небе, словно чёрные чернила,
темень непроглядна и густа.

Ветром потянуло из долины,
заклубился над рекой туман.
Снова ты заговорила длинно —
про измену, грубость и обман...

Слушай, если б все свои ошибки
до конца душой не осознал,
разве бы вернулся, мучась шибко,
разве бы любви твоей желал?

Понимаю: давят грудь обиды...
Только ведь и душу жжёт тоска,
если ты хоть день меня не видишь,
если ты от дома далека...

Успокой гордыню в гордом сердце,
улыбнись мне лучезарно вновь.
Всё проходит, только не бессмертье —
без него бессмысленна любовь!

В небе, словно чёрные чернила,
темень непроглядна и густа.
Я пришёл, чтоб ты меня простила,
не на час пришёл, а навсегда!

* * *

За то, что смог тебя обидеть,
я тыщу раз уже, поверь,
себя нещадно ненавидел, —
и ненавижу, будто зверь.

Но знай без всякого сомненья,
что в наступающем пути
мне важно не твоё прощенье,
а твёрдое моё: "Прости!"